

В такой напряжённой атмосфере он умудрился подумать: «Хорошо, что Доуши нет дома, иначе этот пугливый малыш наверняка спрятался бы под диван».

Цинь Юй отпустил Ши Чу, включил свет и, прислонившись к прихожей, смотрел на него сверху вниз:

— У тебя есть час времени?

Сейчас было восемь вечера, если забрать материалы и вернуться в университет, будет уже около десяти. В лабораторию идти не обязательно, так что час у Ши Чу точно был. Но, несмотря на то, что он заранее мысленно проигрывал возможные сценарии, оказавшись в этой ситуации, он всё равно хотел бросить всё и убежать обратно в университет.

Однако он чувствовал, как внутри Циня Юя клокочет гнев, хотя на его лице не было никаких эмоций.

— Да.

Ши Чу подошёл к дивану и сел, молча ожидая, что скажет Цинь Юй.

Цинь Юй не последовал за ним, сначала он пошёл на кухню. Ши Чу ждал почти десять минут, прежде чем увидел, как тот возвращается с кружкой горячей воды и ставит её перед ним.

Пока вода закипала на кухне, Цинь Юй, похоже, тоже успокаивал свои эмоции. Когда он снова заговорил, его голос звучал гораздо спокойнее:

— Ты был на Северо-Западе два месяца. Почему не связывался со мной?

Ши Чу был готов к разговору, но не ожидал, что Цинь Юй начнёт не с главного. Он растерялся:

— ...Связывался же.

— Я говорю о том, чтобы писать первым. Каждый раз только я тебя ищу, и ты отвечаешь, причём, как я помню, не слишком часто.

На Северо-Западе, помимо ежедневной работы над диссертацией и учёбой, ему приходилось сопровождать научного руководителя в проектах. Ши Чу едва успевал поспать, его телефон был забит учебными делами, и у него не было сил думать о чём-то ещё.

Он сказал:

— Но я был занят.

Цинь Юй, услышав это слово, почувствовал, как раздражение поднимается из глубины души. Он несколько раз глубоко вдохнул, с трудом сдерживая эмоции, и терпеливо продолжил:

— Я тоже занят, верно? Но в промежутках я всё равно отправляю тебе сообщения. Во время еды, в туалете, отправить сообщение не занимает много времени. У тебя действительно нет ни минуты?

Ши Чу взял кружку и сделал большой глоток. Он думал, что было бы хорошо, если бы вода была очень горячей или холодной, тогда он мог бы сослаться на ожог или боль в желудке и уйти. Но вода была приятной температуры, не давая ему такой возможности.

У него были короткие перерывы, но перед отъездом все говорили ему, как сильно занят Цинь Юй. Он открывал чат бесчисленное количество раз, но боялся, что случайное сообщение побеспокоит его.

Цинь Юй, видя его молчание, начал нервничать:

— Ши Чу, тебе ведь всё равно на меня, да?

Всё равно? Ши Чу думал, что каждую ночь перед сном он листал страницы друзей, связанных с Цинем Юем, надеясь увидеть что-то о нём. Каждое утро, кроме прогноза погоды в своём городе, он проверял погоду за тысячу километров, где был Цинь Юй. Если было солнечно, он вздыхал с облегчением, если шёл дождь или снег, он беспокоился, что тот снова забыл зонт. Но, подумав, что рядом с ним теперь много людей, которые ближе, чем он, он понимал, что его напоминания не нужны...

Подумав обо всём этом, Ши Чу в итоге сухо ответил:

— Нет, иногда у меня действительно нет времени, и я боялся тебя побеспокоить.

— Ты не боялся меня побеспокоить, я для тебя был последним вариантом.

Цинь Юй усмехнулся, хотя его улыбка выглядела горькой:

— Ты занят, ты каждый день занимаешься экспериментами, пишешь диссертацию, читаешь книги, обедаешь и общаешься с однокурсниками, болтаешь со Старинной Яном, дома ты ухаживаешь за Доушей, купаешь его, расчёсываешь, кормишь... Ты учишься, справляешься со всеми делами, и только потом вспоминаешь, что есть ещё Цинь Юй, и думаешь, не позвонить ли ему. И даже этот последний момент заканчивается мыслью «не побеспокоить». Ши Чу, ты не боялся меня побеспокоить, ты просто искал оправдание, чтобы не связываться.

Как это могло быть оправданием? Он знал, каково это, когда жизнь переполнена делами, и нужно ещё заботиться о чувствах другого человека. После нескольких раз всё недовольство накапливается и превращается в повод для упреков. Он не хотел становиться таким человеком.

Но как он мог объяснить это Циню Юю? Тот говорил с уверенностью, явно не желая слушать его объяснения.

Цинь Юй резко встал:

— Ши Чу, можешь ты перестать каждый раз отказываться от общения? Игнорирование помогает, да? Ведь каждый раз, когда ты уходишь, я, как преданный щенок, всё равно иду за тобой, кружусь вокруг тебя, и тебе совсем не страшно, да?

Каждое слово Циня Юя звучало как обвинение. Ши Чу побледнел, он думал, что давал им время остыть, но это оказалось «игнорированием» в глазах Циня Юя. Жизнь — это не только любовь, почему всё должно подчиняться чувствам?

Цинь Юй редко говорил так резко, и Ши Чу, сам того не осознавая, ответил ещё более жёстко:

— Но почему мы должны мириться сразу после ссоры? Мы не дети, дать друг другу время остыть — это лучшее решение. Если ты хочешь, чтобы мы 24 часа в сутки занимались любовью, тогда лучше вообще не работать.

Цинь Юй закричал:

— Да! Ты самый рассудительный, самый бескорыстный, говоришь красивые слова, но когда ты сам решаешь проблемы?

Когда их разговор начал превращаться в перепалку, Ши Чу вовремя замолчал. Цинь Юй вышел на балкон, Ши Чу видел, как он закурил, кончик сигареты мерцал в снежную ночь.

Через время, закончив сигарету, Цинь Юй вернулся с балкона, принося с собой холод, и сел обратно:

— Что случилось с Цзян Хаоянем?

— Что?

— Он знает о наших отношениях, но в тот день у ресторана он говорил такие вещи. Ты действительно не видишь, что он имеет в виду?

Ши Чу вздохнул. Он и Цзян Хаоянь почти не общались на темы, не связанные с учёбой, а рядом с Цинем Юем был Сяо Цзин, которого даже Чжао Иань считал подходящей парой. Он ещё не спросил Чжао Ианя, что означали его слова в тот день, не спросил Циня Юя, почему Сяо Цзин всегда рядом с ним, а он сам задаёт вопросы.

Ши Чу чувствовал себя уставшим, он не хотел ни обвинять, ни объяснять, поэтому просто сказал:

— Между нами ничего нет.

Цинь Юй молчал, и в комнате снова повисла тишина.

Время шло, Цинь Юй вертел в руках зажигалку, которой только что закурил, погружённый в свои мысли. Ши Чу сидел неподвижно, едва пошевелившись, как Цинь Юй потянулся к его кружке, проверяя, не остыла ли вода.

Глаза Ши Чу внезапно наполнились слезами. Он не поднял головы, чтобы Цинь Юй не увидел его влажных глаз, и тихо спросил:

— Цинь Юй, что тебе во мне нравится? Что я такого сделал, что заслужил твою любовь?

Цинь Юй, то ли не услышав, то ли не желая отвечать, продолжил:

— На работе все говорят, что я спокоен и уверен. Они не знают, что перед тобой я всегда нервничаю и злюсь. Я не знаю, когда это началось, и я не хочу этого.

Раньше Цинь Юй любил специально показывать свою слабость и капризничать перед Ши Чу. Ши Чу давно считал, что он уже не поддаётся на эти уловки, но в этот момент голос Циня Юя звучал так, как в те времена, когда он использовал эти приёмы. Только теперь его слабость и произвольные капризы были заключены в тяжёлую оболочку растерянности.

Ши Чу давно не слышал, чтобы Цинь Юй так с ним разговаривал. В его груди внезапно стало больно, и он вынужден был наклониться, чтобы облегчить это чувство.

Пусть что-то произойдёт, пусть Цинь Юй скажет о расставании, просто скажет это, чтобы покончить с этим, не мучить его больше.

Но Цинь Юй больше не говорил. Вся гостиная была как запечатанный полиэтиленовый пакет, и с каждым вдохом Ши Чу чувствовал, как кислорода становится меньше. Прежде чем он окончательно задохнулся, раздался звонок телефона.

Почти сразу же Ши Чу, как испуганный заяц, вскочил с дивана, мельком взглянул на экран и сказал, что научный руководитель зовёт его обратно.

Уже почти десять вечера, какой научный руководитель? Это был просто спам.

Он просто растерялся и инстинктивно хотел сбежать.

Но Цинь Юй не стал разоблачать его неуклюжую ложь. Он лишь махнул рукой, не поднимая головы.

<http://bllate.org/book/16893/1566347>